

От редакции

Настоящей публикацией «ЗС» продолжает тему, начатую ещё зимой 1996/1997 г., – «Ценности гуманизма в жизни диаспор» (Гарри Абелев, ЗС № 2, с. 73-77). «...Основа благополучия и даже самого существования диаспор – это уважение государством и другими властными структурами прав меньшинств: национальных, политических, религиозных и культурных. Но это и национальная, религиозная, и политическая терпимость со стороны окружающего диаспору народа и его традиций. Гуманизм и права человека идут здесь рука об руку, как, впрочем, всегда и во всём». «В нормальном обществе диаспоры космополитичны, национализм – их первый враг...»

Касаясь истории диаспор, Г. И. Абелев отметил: «Замечательна и ещё не написана история российских диаспор 1920-1950-х гг. в Средней Азии, где слились знания и культура ссыльных дворян и священников, семей «врагов народа», беженцев, эвакуированных с запада страны во время войны, и «космополитов», вытесненных из центральных городов России. Они работали рука об руку с энтузиастами культурного возрождения Востока. Это были истинно интернациональные диаспоры, исполненные высокого духа культуры, энтузиазма и общечеловеческих ценностей. Именно ими были созданы очаги первоклассной медицины, образования и культурной жизни послереволюционной Средней Азии. Возродившийся в годы застоя местный национализм свёл на нет благотворное влияние российских диаспор ещё до выделения центральноазиатских республик в самостоятельные государства».

Важному аспекту этой темы – становлению медицинской школы Таджикистана – посвящены воспоминания замечательного хирурга Юрия Викторовича Шапиро. Фрагменты из них мы предлагаем читателю.

Таджикский медицинский

[Юрий Шапиро](#)

Таджикский государственный медицинский институт был создан в 1939 г. В его создании ведущая роль принадлежит 2-му Московскому медицинскому институту, направившему в Сталинабад учебники, оборудование и преподавателей. Первым директором института был доктор Краус, в послевоенные годы ставший министром здравоохранения Латвийской ССР. По воспоминаниям людей, знавших его, он был отличным организатором, человеком справедливым и мужественным. Последнее подтверждается следующим фактом. На съезде врачей Таджикистана должен был состояться его доклад. Он выступил с заявлением о том, что в одном из районов органами НКВД арестован врач, в связи с чем он выезжает в район для того, чтобы на месте разобраться с обоснованностью его ареста. В годы массовых репрессий подобный акт требовал большого личного мужества.

Таджикистан был далёкой окраиной царской России. Его столица Душанбе – «Понедельник» в переводе на русский язык (по понедельникам в кишлаке, которым он был в 1920-е гг., был базарный день) – подвергалась налётам басмачей, которые вырезали население и грабили государственные учреждения. После разгрома Конной армией Будённого басмаческого движения – кстати, портретов Будённого и колхозов и предприятий его имени в Таджикистане не было, народная память оказалась крепче – кишлак начал строиться и получил статус города, названного именем отца и учителя всего сущего – Сталинабадом. Город расположен в сердце «жемчужины Средней Азии» – Гиссарской долины, огромного оазиса, тянущегося от Денау до Орджоникидзеабада, между двумя величественными горными хребтами, вершины которых покрыты снеговыми шапками. Долина утопает в зелени – фруктовые сады, хлопковые поля, розовые плантации, виноградники, отары овец, пасущихся на альпийских лугах, предгорья, покрытые маком, цветущим урюком, поля богарной пшеницы – всё это создает незабываемую картину, которая и спустя 50 лет стоит перед моими глазами. Мне доводилось в студенческие годы, когда я работал на санитарной авиации, много раз пролетать над Гиссарской долиной – поднимаясь на высоту 1000 метров, видишь её всю, во всём её великолепии, и перед твоим взором открываются предгорья Памира, с вечными снегами и ледниками. Зрелище это незабываемо.

Многие годы Гиссарскую долину называли долиной смерти – малярия косила всех приезжих, смертность среди них и местного населения была высокой. Лишь в послевоенные годы удалось справиться с этой болезнью, однако койки в Институте тропических заболеваний не пустовали никогда. Мне пришлось стать его пациентом в 1949 г., заболев трёхдневной и тропической малярией, – спасла меня Ольга Георгиевна Богомолец, прислав мне бигумаль, купленный ею в Кремлёвской аптеке. <...>

Советская власть, как бы справедливо мы ни ругали её, дала Таджикистану всё, окраина превратилась в цветущий сад, выросли города и посёлки, появилась промышленность, начала развиваться сырьевая база. Экономическая составляющая этого понятна – в Таджикистане выращивали самые высшие сорта хлопка, в которых был жизненно заинтересован Советский Союз: хлопок – это порох, взрывчатые вещества, текстиль, хлопковое масло. <...> Вопрос о создании национальной интеллигенции встал

Витебском медицинском институте. Умер он в 1955 г.

С его отъездом окончилось и моё пребывание в клинике. Началось «дело врачей», и доцент Валентин Андреевич Савенко рекомендовал мне больше в клинике не появляться – я еврей, родители в ссылке, как бы чего не вышло. Больше в клинике общей хирургии я не бывал.

Человек, писавший в партбюро анонимки, был разочарован – он не получил вождеденную кафедру, её занял Камил Таджиевич Таджиев, кандидат медицинских наук, приехавший из Узбекистана. Хирург он был неважный, лектор никакой, на его лекции студентов приходилось загонять силой. Докторскую диссертацию по синдрому нижней полой вены ему написали в клинике Савельева и в лаборатории Неговского, я знал делавших это людей. После защиты Камил Таджиевич стал ректором института, академиком, пожал все возможные лавры, оставаясь на том же хирургическом уровне, с которого стартовал. Окончилось это печально – он прооперировал по поводу острого аппендицита министра торговли Таджикистана. Через несколько дней после операции больной умер. Таджиеву это не простили – покойный был представителем могущественного ленинабадского клана, занимавшего все узловые посты в республике, а Камил Таджиевич не принадлежал к нему и был отстранён от всех своих должностей. Он тяжело переживал свою отставку, заболел и умер.

Освободившуюся кафедру и кресло ректора института занял Закир Пачаевич Ходжаев, защитивший в Москве кандидатскую диссертацию и вернувшийся в Сталинабад. Он был одним из первых моих учителей в хирургии. Всю войну он провёл на фронте, стал первоклассным хирургом. Родной дядя моего институтского друга Юсуфа Исхаки, он был выходцем из знатной духовной семьи, отец его после установления советской власти в Таджикистане бежал в Афганистан и жил там. Закиру и Юсуфу это простили, они были представителями нарождающейся таджикской интеллигенции и их заботливо пестовали.

Закир Пачаевич был интеллигентен, образован. Он превосходно знал таджикскую поэзию, поэмы Фирдоуси и Низами в его устах звучали как музыка, он знал их наизусть и на дежурствах читал их мне. Мы много дежурили вместе, он хорошо относился ко мне, и мои первые ассистенции в клинике были на его операциях. Человек весёлый, доброжелательный, он щедро делился своим богатым опытом, вызывал к себе искреннюю симпатию. Однажды в больницу во время нашего дежурства привезли больного с Памира с ожогами и язвами на теле. Увидев его, Закир Пачаевич закурил сигарету и незаметно приложил её к телу больного. Тот не шелохнулся. Закир Пачаевич схватил меня за руку и буквально вытащил из приёмного покоя. «Проказа» – ответил он на мой недоуменный вопрос, и мы побежали в отделение принимать душ и менять операционное бельё.

В 1968 г. я принимал участие в работе съезда хирургов Средней Азии и Казахстана, выступил с двумя докладами по реаниматологии. У меня завязалась дискуссия с Закиром Пачаевичем по поводу методов осмотического диуреза, что не помешало нам после окончания заседания дружески обняться и расцеловаться.

Жизнь распорядилась так, что я и Ляля Монакова были последними близкими ему людьми, которых он видел в жизни. У него диагностировали саркоидоз Бека, и в онкоцентре в Москве его оперировал его друг профессор Петерсон. Закир Пачаевич умер после операции. <...> Его похоронили в Душанбе, на его похороны собрались тысячи людей.

Кафедрой факультетской хирургии заведовал профессор Ханлар Джавадович Гаджиев. Он был главным хирургом республики. Прекрасный хирург, он показывал нам операции на щитовидной железе – Таджикистан эндемичен по зобу. Операции эти требовали отточенной хирургической техники, зоб весом в килограмм, часто расположенный загрудинно, не был редкостью. Обладая азербайджанским темпераментом, Ханлар Джавадович иногда демонстрировал нам его на операциях, от его крика сотрясались стёкла в операционной, в стенку летели инструменты, ассистенты покрывались потом. Его операционная сестра после окончания операции приносила ему заявление о уходе, он, отойдя от стресса, извинялся, успокаивал её, наливал ей чашечку кофе – и дело оканчивалось миром. <...> В 1953 г. Ханлар Джавадович попал в скверную историю. Разгул обскурантизма в науке в то время вызвал к жизни одиозные фигуры проходимцев – одной из них был ростовский врач Румянцев, «открывший» новую главу в советской медицине – тканевые подсадки. На самом деле ничего нового в этом не было, подсадками занимались Филатов в Одессе, Казаков в Москве, геиз-терапия была применена в Германии в начале прошлого века. Открытие новоявленного пророка заключалось в том, что он предложил пересаживать пациентам ткани животных и птиц-долгожителей, считая, что они обладают большей потенциальной энергией. Первый секретарь ЦК компартии Таджикистана В. Гафуров страдал сахарным диабетом, и Румянцев в Кремлёвской больнице сделал ему подсадку. В благодарность Гафуров пригласил его приехать в Таджикистан. Для демонстрации опыта была избрана клиника общей хирургии. Отменили все плановые операции, с утра к ней стали подъезжать правительственные машины с партийными и советскими вельможами и их родственниками. В горах отстреляли несколько орлов, привезли их в клинику. Румянцев священнодействовал в операционной. Чем он руководствовался, подсаживая кусочки печени, почек, селезёнки и семенников пациентам – не знал никто. Вечером в институте было созвано открытое заседание учёного совета института, на которое пришли все имеющие отношение к медицине. Румянцев сидел в президиуме, был слегка пьян и с презрением поглядывал на собравшихся провинциалов. Его доклад был смесью невежества и нахальства. Когда он заявил, что министр здравоохранения СССР разрешил ему сделать подсадки 40 онкологическим больным с запущенными формами рака и все опухоли и метастазы рассосались, присутствующие разинули рты.

Ханлар Джавадович не выдержал. Он взял слово и с трибуны заявил, что как главный хирург республики отдаст под суд любого хирурга, который позволит себе повторить подобную «операцию».

Румянцев начал выкрикивать, что это он уже проходил, что он произвёл подсадку жене ростовского прокурора, страдавшей запущенным раком молочной железы, и опухоль у неё рассосалась. Гаджиев прилюдно обозвал его невеждой. Скандал получился изрядный. На следующий день собралось партийное бюро института, и Гаджиева исключили из партии и поставили перед дирекцией вопрос о его освобождении от заведования кафедрой. Но в это время умер Сталин, и вопрос о санкциях больше не поднимался. Румянцев канул в неизвестность. Через несколько лет Гаджиев получил кафедру в Бакинском медицинском институте, на которой и проработал до своей смерти.

Я хочу написать об одном из самых светлых людей, с которыми я когда-либо встречался в своей жизни, – о профессоре Николае Фёдоровиче Берёзкине. Он заведовал кафедрой госпитальной хирургии, клиника помещалась на втором этаже здания – на первом этаже была клиника общей хирургии, с которой я вынужден был расстаться в январе 1953 г. Я был в отчаянии, не знал, что мне делать, без хирургии я жить не мог. Я поднялся на второй этаж, постучал в дверь кабинета Николая Фёдоровича и, получив разрешение, вошёл. Мы были знакомы, но чисто визуально. Он спросил, что привело меня к нему. Я рассказал ему, что хочу заниматься хирургией, что я из семьи репрессированных, что в клинику общей хирургии мне рекомендовали не приходить и что я прошу его мне помочь. Николай Фёдорович отвёл меня в ординаторскую, представил врачам и сказал, что я могу приходить на дежурства в клинику. Приватно он рекомендовал мне пока не принимать участие в операциях. После завершения «дела врачей» мне было разрешено участвовать в операциях, и с этого момента жизнь моя в клинике стала безоблачной. На пятом курсе мне стали доверять простейшие операции – аппендэктомия, грыжесечение, первичные обработки ран, на шестом курсе Николай Фёдорович взял меня в субординатуру. Однажды он позвал меня в свой кабинет и спросил о планах на будущее. Я ответил, что хочу уехать на Север, где в то время отбывали ссылку мои родители. На следующий день Николай Фёдорович вручил мне подписанную им характеристику, в которой в лестных тонах отзывался обо мне и в заключении рекомендовал меня